

УДК 94(571.5)

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-3-93-98

Женские тракторные бригады Приангарья в годы Великой Отечественной войны

С.В. Ковригина

Братский государственный университет, Макаренко, 40, Братск, Россия
sarapylova@bk.ru

Статья поступила 14.09.2021, принята 16.09.2021

Автором статьи предпринята попытка анализа повседневной жизни трактористок тыловых районов Сибири. В частности, уделено внимание деятельности женских тракторных бригад в военный период на территории Среднего и Нижнего Приангарья. Раскрыта специфика условий труда в МТС и ее влияние на жизненные стратегии сельских жительниц. Показана роль советского государства в регламентации повседневной жизни женщин военного периода.

Ключевые слова: повседневность, устная история, Приангарье, Сибирь, советское крестьянство, тракторные бригады, МТС.

Women's tractor brigades of the Angara region during the Great Patriotic War

S.V. Kovrigina

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
sarapylova@bk.ru

Received 14.09.2021, accepted 16.09.2021

The article attempts to analyze the daily life of tractor drivers in the rear regions of Siberia. In particular, attention is paid to the activities of women's tractor brigades during the military period in the territory of the Middle and Lower Angara region. The specifics of the working conditions of machine-tractor stations and its impact on the life strategies of rural residents are revealed. The role of the Soviet State in the regulation of the daily life of women of the military period is shown.

Keywords: everyday live, oral history, Angara River region, Siberia, soviet peasantry, tractor brigades, machine-tractor stations.

История тыловых сельских поселений Сибири в годы Великой Отечественной войны уже многие десятилетия является одной из актуальных исследовательских тем. Однако, в рамках исторических реконструкций повседневной жизни крестьянства не часто встречаются темы учитывающие гендерные и возрастные факторы, особенности культуры и быта тыловых старожильческих деревень Восточной Сибири.

Повседневная жизнь трактористок в тракторных бригадах МТС Приангарья рассматривается нами как система жизненных прак-

тик, способов организации образа жизни в условиях кардинальных перемен военного времени. Государственная политика в годы войны, нацеленная на интенсификацию сельхозпроизводства, способствовала постоянной динамике повседневной жизни колхозного крестьянства, в большей степени эти факторы влияли на женщин. Не свойственное для традиций крестьянского быта разделение труда коснулось, прежде всего, трактористок: происходило внедрение в производство и быт технологий и норм, характерных для индустриального общества. При

этом традиции и инновации функционировали в знакомых традиционных рамках повседневной жизни деревенских жительниц Приангарья.

В статье использованы полевые материалы экспедиций полученные в рамках формирования архива устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВО «ИГУ», записанные в формате устных историй. Следует отметить, что полученные нами интервью были взяты у женщин – родственниц трактористок, что безусловно, оказало влияние на ключевые темы которые помнили респонденты, это сюжеты о материнстве, взаимопомощи-зависти, тяжести физического труда трактористок, страхе уголовного преследования.

Значимое место в работе занимают письменные источники, среди которых записанные в 1990-е гг. воспоминания пяти женщин тракторной бригады, а так же текст песни времен войны написанный К.А. Пановой, хранящиеся в музее школы поселка Куватка Братского района Иркутской области. В воспоминаниях практически не прослеживаются моменты повседневной жизни трактористок связанные с ведением домашнего хозяйства, в рассказах связанных с бытом респондентами акцентируется внимание на сломе привычного, естественного порядка жизни сельской женщины.

Так же нами были привлечены материалы районных газет, которые в силу удаленности региона были не на столько идеологически выверены, по сравнению с областной и центральной прессой и содержали первичную рефлексию участников событий на определенные факты повседневной жизни сельских поселений.

К концу 1941 года сибирские деревни остались практически без мужского трудоспособного населения. Профессия тракториста в довоенные годы считалась только мужской.

Однако, весне 1942 г. в Иркутской области уже не хватало 120 механиков, 3715 трактористов, 250 бригадиров, 700 комбайнеров [1]. За первые три года войны в области было подготовлено 14655 трактористов и 2490 комбайнеров, на работах в МТС удельный вес женщин увеличился более чем в два раза. В марте 1945

г. обеспеченность кадрами механизаторов составила 91,26% [2].

Крестьянки приангарских колхозов должны были в короткий срок менять привычные жизненные практики, осваивать незнакомые трудовые и общественные роли.

Государством велась активная пропаганда направленная на освоение женщинами мужских профессий, особенное внимание уделялось трактористкам. Еженедельно областные и местные газеты пестрели заголовками направленными на героизацию труда работников МТС: «Работать любишь - гвардейцем тыла будешь!», «Шире размах соревнования трактористок!» и т.п. Местные газеты широко освещали ежегодные районные совещания трактористок, описывали передовой опыт лучших работниц МТС, особое внимание уделялось соцобязательствам тракторных бригад [2].

В 1942 году был учрежден нагрудный значок «Лучшая трактористка СССР». Им награждались женщины выполнившие сезонную норму пахоты не менее чем на 150% и сэкономившие не менее 10 % горючего [3].

Однако, это не особенно помогало поднять престижность профессии среди приангарских колхозниц, в этом контексте интересны воспоминания Филипповой Р.Д. «Трактористки уже на земле прошли семь кругов ада. И такой судьбы я не пожелаю и злему врагу. Нас не осыпали почестями. Почему-то считалось, что делали обычное дело. Только в девятых годах стали чествовать тыловичек, награждать медалями». В тексте песни громовских трактористок есть такие строки: «Ой, мама зачем на свет мяя родила, Судьбой несчастной наградила, И трактористкой назвала?» [4].

При этом не смотря на фиксированную оплату труда трактористок, и в целом более высокий уровень оплаты по сравнению с колхозными трудоднями, в своих воспоминаниях женщины указывают на крайне низкий уровень жизни «за работу давал колхоз мучки немного, а мучка – один овсюг, да раз в год МТС выделяла маленький мешок (20-30 кг.) белой муки» [4].

Отправка на курсы трактористок чаще всего носила добровольно-принудительный характер. Согласно планам МТС от колхозов требовалось определенное количество чело-

век, правление колхоза выбирало молодых, здоровых, совершеннолетних девушек, при недостаточном количестве девушек, на курсы отправляли и молодых женщин имеющих детей. Какого-либо согласия у будущих курсанток не спрашивали.

Так, например в Тангуйской МТС (Среднее Приангарье) в 1942 году 48 женщин закончили курсы трактористок [5]. Однако, указывалось, что этого было не достаточно, из предполагаемого следующего набора в 70 человек на курсах трактористов в МТС обучается всего 42 человека из них 23 % не смогли сдать зачеты [6]. Отмечалось, что ежегодно к занятиям на курсах не приступают, или вскоре их бросают от 30 до 40 % [7]. При этом каких-либо административных мер к не приступившим к занятиям не применялось, что давало некоторую возможность избежать столь кардинального изменения своих повседневных практик жизни и быта. При этом, если женщина успешно окончила курсы трактористок и была направлена в МТС, то она уже несла ответственность за соблюдение режима и графиков работы.

Респонденты вспоминают, что ни одна из них не высказывала желания работать на тракторе, «председатель решил и отправил». П. Панова вспоминает «проходили учебу в Иннокентьевске под Тулуном, кто-то в Малой Мамыри, кто-то в Заярске, а кто и вообще обучался на месте. Поначалу место обучения зависело от того, на какой трактор обучали. Но приходилось работать на разных тракторах. Я первой получила трактор, поначалу трудилась на колёснике. Он был в Громах один. Бабы этому трактору даже прозвище дали «колесуха» или еще «генерал со шпорами» [4].

Организация труда трактористок выстраивалась в соответствии с постановлением Совнаркома СССР «О работе МТС» от 13 января 1939 года. В 1943 году вышло постановление Совнаркома СССР «О подготовке тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС к полевым работам 1943 года», в котором детально регламентировались сроки и объемы работ для тракторных бригад, были введены новые должности старшего и сменного трактористов. Размер норм выработки зависел от типа трактора (Универсал (норма 35 га), СХТЗ, СХТЗ-НАТИ, ЧТЗ (самый мощ-

ный, норма 120 га), газогенераторный трактор СХТЗ-НАТИ, газогенераторный трактор ЧТЗ. Во втором разделе постановления «О тракторных бригадах и оплате труда трактористов» были подробно указаны меры поощрения трактористов по маркам тракторов (указано было шесть типов) и количеству произведенных работ с учетом расхода горючего. Премия могла составлять от 30-40 трудодней [8].

Из рассказа Наяновой (Пановой) П.Н.: «Работали, как проклятые круглые сутки: весной – пахали, борошили, сеяли; летом – перепаживали пары, таскали на прицепе комбайны; осенью днем комбайны таскать, а ночью зяби пахали. Были гусеничные трактора ЧТЗ, ХТЗ с газогенераторными установками, поступившие перед самой войной. Были это массивные, большие трактора, работавшие на березовых чурочках. Эти чурочки заготавливали (пилили, кололи) женщины и дети – подростки. В Громах норма была – четыре куба. Для просушки складывали в амбар между школой и церковью. Чурочки были небольшими – сантиметров 15. Затем мешками возили к тракторам. В топку почти шеститонного ХТЗ загружали подсохшие березовые полешки. Запаса чурочек хватало на 2,5 – 3 часа работы. И опять загружай. Не одна трактористка на этих Газгенах грыжу заработала. Часто трактора этой марки величали «газочурочками».

Были и трактора марки НАТИ. Работали они от дизельного двигателя. Трактора требовали много воды. Посреди поля обязательно стояла бочка с водой, а на межах топливо» [4].

Мыльникова Т. вспоминает: «Тащишь на своем Газгене комбайн. Одна женщина наверху комбайна, две в копнителе, солому укладывают. Двое на площадке, под бункером. Открывают заслонку, насыпают в кули зерно, завязывают, сбрасывают на полосу. А подростки грузят кули на телеги, увозят в Громы сушить. Работать надо слаженно, без заминок. Жара, пыль, одежда липнет к потному телу, зудится всё. А времени даже пот со лба утереть нет» [4].

Вот как описывает труд трактористок Панова (Лухнева) П.А.: «Когда уборочная заканчивалась, трактора, требующие серьезного ремонта, перегоняли в Малую Мамырь, в МТС. Порою сплавляли на карбасах. Сели-

лись у родных или у бывших односельчан. Нас отправляли вместе с техникой, не были дома по месяцу и больше. Бывало, что домой только к весне возвращались. В Малой Мамыри и механики были, и части запасные, и электричество от локомотива получали».

«Гаражом служило большое здание, ещё до войны сложенное за селом из разобранного церковного бревенчатого амбара. Гараж был большим. Мог вмещать 3 – 4 трактора. Посередине стояла железная печь. Но она слабо грела. Жались к печи, поднимали юбки, чтобы отогреть красные от мороза ноги» [4].

Работа на тракторе требовала от молодых девушек большой силы и здоровья: наибольшие проблемы доставлял запуск двигателя в ручную в поле, «чтобы провернуть рукоять, привязывали к ней веревку, вдвоем пытались завести»; «поздней осенью трактор остывал, постоянно глох. Сняла с себя фуфайку, натянула на радиатор. Мать встречала меня на лавке у ворот со слезами, люди ей уже сказали, что трактор укрывала, а сама на морозе раздетая. На завтра она мне дала с собой доху..... Однажды, неудачно открыв крышку, получила Пана сильный ожог паром груди. На жаре кожа присыхала к рубашке, а вечером отдирали её вместе с рубашкой. Долго не проходил ожог» [4].

В воспоминаниях трактористок часто встречается рефлексия по поводу одежды и внешнего вида: «Всегда я грязна нахожусь, Всегда как видишь ты меня. Фуфайка мазаная, юбка, Совсем замучили меня» [4].

В связи с этим большой интерес представляет статья в районной газете за 1942 год, агронома В. Короткова из д. Черемново, в которой рассказывается о мотористке, однако автор не удержался от оценочных суждений о традиционных для крестьянского менталитета представлений о женщине: «работа на двигателе - дело не женское, а чисто мужское. Но всего этого не испугалась Пелагея Ивановна Погодаева. Она прекрасно знала, что чистота свойственна женщине с детских лет. «Чумазыми» мотористы бывают только от своей неряшливости. Если машина в своей работе легко подчиняется мужчине, то следовательно не должна она устоять и против «бабьей» природы» [9].

В отличии от колхозного производства, где существовала коллективная ответствен-

ность, (например в полеводческих бригадах) за результаты труда, обязательным условием которой являлось только выработка минимума трудодней, регламентация труда работников МТС была более жесткой. Трактористки МТС несли персональную административную или уголовную ответственность за любые поломки трактора и выполнение плана вспашки или уборки. При этом качество труда трактористок зависело от множества разновекторных факторов: профессионализма механиков и наличия запасных частей в МТС, скорости обслуживания со стороны колхозов: подвоз воды, горючего, ответственности прицепщиков.

В связи с несогласованностью работ МТС и колхозов в 1943 в постановлении Совнаркома СССР указывалось о том что, колхозы обязывались за месяц до начала полевых работ определить колхозников для работы на тракторных прицепных машинах и орудиях, а так же колхозников для подвозки горючего и воды. Колхозники задействованные в этих видах работ распределялись по участкам начальником МТС и не могли быть задействованы на других сельхозработах. Оплата труда прицепщиков рассчитывалась по расценкам установленным в данном колхозе. Контроль качества полевых работ МТС осуществляли один-два колхозника выбранных на общем собрании колхоза.

Районные газеты большое внимание уделяли деятельности МТС, и в качестве наказания публиковали и персональные данные об отстающих трактористках. Например, «в колхозе «Пахарь» Н-Суворовского сельского совета у бригадира тракторного отряда П. Ведерниковой три трактора в поле стоят, уход за машинами отвратительный, заводную ручку газогенератора заколачивала топором и пробила радиатор, от неправильного укрепления патрубков они два раза лопали» [10].

Из воспоминаний Т. Мыльниковой: «Запчастей не было. А норму хочешь или не хочешь, можешь или не можешь, выполнить должен. Не знаю, как девчонки выкручивались. А я, бывало, налью пол-литра керосину и к тетке Анисье. У нее сын Митюха до войны на тракторе работал, запчастей припас. Вот я и выменивала запчасти на керосин».

В песне трактористок в этом контексте примечательны последние три куплета:

«Механик злой кричит сердито,
Поставил шестерню не так.
А крестовины, сателлиты.
Совсем забросил под верстак.
Пускай карданный вал загнётся,
Коробка лопнет пополам.
Пускай бензинный бак взорвется
Меня прибросит к небесам.
Пускай мне 10 лет присудят.
И мне придётся отбывать.
На этом тракторе проклятом
Мне не придётся спобывать».

Панова (Филиппова) К.А. вспоминает: «Допахивала уже далеко за полночь. Трактор встал, рукоять крутила, и части все просмотрела. Ничего. В панике облазила весь трактор. Нашла сломанную деталь. Понятно, на поле не починишь. Значит надо бежать в мастерскую, иначе норму не успеть выполнить. С ревом бежала с запчастью по Лисьему. Это кому — то ничего не будет, а меня, дочь врага народа, обязательно обвинят во вредительстве, а то и посадят. А у меня дочь крошечная» [4].

Матвеева Ю.М. рассказывает: «Мою тетю – трактористку посадили. Трактор у нее сломался, она и отправила своего помощника, мальчишку подростка с деталью в мастерскую, а он испугался или что, так и убежал с ней куда-то. Ей принудработы на несколько месяцев, а она в это время однажды ночью убежала в соседнее село маленькую дочку проводить, и увидели. За это ей дали десять лет, отправили куда-то на Дальний Восток. А дочку так моя бабушка и вырастила» [11].

Специфика работы в МТС заключалась в постоянном и практически круглогодичном отсутствии трактористов в своей деревне. Для трактористок имеющих детей каких-либо особых условий труда не предусматривалось.

Колоушкина Г.И вспоминает о судьбе матери Пановой (Филипповой) Клавдии Алексеевны: «1 октября 1942 года поздно вечером привезли маму на телеге домой. Думала спину сорвала, дегтем терли. Позвали бабушку и

женщин соседок, они все поняли, велели баню топить, да бежать за Марьей Демидовой. В начале второго ночи родилась я. Отмыли маму три бани, а утром 5 октября пришел председатель и отправил маму на ремонт трактора в Малую Мамырь. Осталась я на попечении тетки Нюры. А тетке то едва восемь стукнуло. Хорошо еще корова доилась, выкормили. Мама страшно мучилась, грудь перевязывала, она все болела, молоко-то прибывало.

Записать меня мама смогла только в декабре. Вместо 2 октября в метриках поставили 25 декабря. Вот и решили бывшие дыхательницы отца Ивана «пошутить». Написали на фронт, что гуляет мама на судоверфи налево и направо, девочку нагуляла. Какая ей была гулянка, когда поспать и помыться некогда? Да и по метрикам получалось, что забеременела мама уже после отъезда мужа. Так он нас и бросил. Письмо прислал. А много лет спустя двое подруг – бывших трактористок повинились за грех, который взяли на душу» [12].

В заключении отметим, что после войны подавляющее большинство трактористок вернулась работать в колхозы и в своих воспоминаниях о женских тракторных бригадах они говорят как о вынужденной мере.

Таким образом, повседневная жизнь женщин сельских поселений Приангарья в годы войны, которые стали трактористками подверглась более значительной трансформации. Привлеченные нами интервью, содержат интересный оценочный материал. Женщины рефлектируют свою «инаковость» жизни в рамках традиционной культуры старожильческих поселений, обозначают границы «норма-аномалия».

А изучение небольших групп и локальных территорий, с привлечением методов устной истории, безусловно позволяют расширить исследовательское пространство по истории Великой Отечественной войны в тыловых сельских поселениях Приангарья.

хозяйства Иркутской области // Знамя Сталина. 1942. 29 марта.

2. Хуруева И. Советание трактористок // Вост.-Сиб. правда. 1944. 14 апр.

Литература

1. Ко всем колхозникам и колхозницам, рабочим МТС и совхозов, ко всем работникам сельского

3. Семин С. Работать любишь - гвардейцем тыла будешь! // Вост.-Сиб. правда. 1942. 21 мая.
4. Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического ин-та ФГБОУ ВО «ИГУ». Оцифрованная коллекция документов музея Куватской СОШ; рук. Л.В. Колоушкина.
5. Кириллов Н. Упорно овладевают трактором // Знамя Сталина. 1942. 8 марта.
6. Гамзулин Н. По-военному готовить кадры // Знамя Сталина. 1942. 12 марта.
7. Колесов М. Работники МТС включились в месячник по подготовке к севу // Знамя Сталина. 1944. 12 марта.
8. О подготовке тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС к полевым работам 1943 года // Вост.-Сиб. правда. 1943. 3 марта.
9. Коротков В. Мотористка // Илимский партизан. 1942. 8 марта.
10. Зажимщиков критики - строго наказать // Знамя коммунизма. 1943. 31 мая.
11. Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического ин-та ФГБОУ ВО «ИГУ». Фонд «Средняя Ангара». Воспоминания, аудиозапись Ю.М. Матвеева, 1931 г.р. Место записи: п. Тангуй, Братский район. Дата проведения интервью: 16 авг. 2012 г.
12. Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического ин-та ФГБОУ ВО «ИГУ». Фонд «Средняя Ангара». Воспоминания, аудиозапись Г.И. Колоушкина, 1942 г.р. Место записи: п. Куватка, Братский район. Дата проведения интервью: 22 сент. 2009 г.